

Оглавление

Глава первая

«Царев человек». — Фальшивый изумруд и поддельный полковник 5

Глава вторая

Русский католический салон за несколько лет. — Новая супруга виконта. — Месть возрождается. — Луи-Филипп захватывает Париж, а госпожа виконтесса его оставляет 27

Глава третья,

в которой предается забвению старый неоплаченный долг. . . 58

Глава четвертая,

в которой давняя тайна покупается на вес бриллиантов . . . 83

Глава пятая

Сколько стоит благотворительность иных благодетелей. — Маленькая бутылочка из розового стекла. — В каком возрасте пора расставаться с няней 110

Глава шестая

Каким образом талантливый доктор может испортить себе карьеру в Сен-Жерменском предместье. — Старые враги становятся союзниками. — «Умбракул», «граф Икс» и капризная примадонна 134

АВАНТЮРИСТКА. ОТВЕРЖЕННАЯ НЕВЕСТА

Глава седьмая

Пение и шпионаж. — Примадонна одерживает блестящую победу, а дворецкий Венсенн терпит крупное поражение. — Виконтесса де Гранси возвращается в Петербург и узнает невероятную новость 168

Глава восьмая,

повествующая о том, как легко можно сделаться государственным преступником и сменить фамилию 204

Глава девятая,

в которой после долгой разлуки встречаются законные супруги и дается одно весьма странное обещание 233

Глава десятая

Как может быть опасен внезапный приезд родственника из провинции. — «Августа Гейндрих» заключает необыкновенно выгодную сделку. 261

Глава одиннадцатая,

в которой мнимый бунтовщик самым неожиданным образом обретает невесту и находит друга. 290

Глава двенадцатая,

в которой герои признаются друг другу в любви, нелюбви и ненависти 317

Глава тринадцатая,

в которой друзья, враги и влюбленные танцуют французскую кадрили. 344

Глава четырнадцатая,

в которой ангел смерти собирает обильную жатву 363

Глава пятнадцатая

Все дороги ведут в Москву 388

Глава первая

*«Царев человек». — Фальшивый изумруд
и поддельный полковник*

Ельник, что тянулся вдоль большой дороги, был настолько стар и гнил, что не нашлось охотника выкупить его у разорившегося барина. Суд отобрал его в казну. Лес было решено пустить на дрова, а вырученной от продажи дров суммой покрыть часть долгов. Об этом в первую очередь был извещен староста деревни Епифан Скотников, так как управляющий имением находился в бегах. Проворный немец, почуяв, что запахло жареным, прихватил последние денежки своего хозяина и был таков.

Староста, щуплый на вид, «дохলেখонький» мужичок, с жиденькой, в три волоска бороденкой, пригласил к себе братьев Никитиных, местных деревенских лесорубов, и сказал им, лукаво прищуривав маленькие наглые глазки:

— Зачните рубить ельник — от не со стороны деревни, а зайдите с Большой дороги...

— А нам какая в том корысть — две версты лишних по кочкам ноги бить? — грубо оборвал старший брат Демьян, сильно недолюбливавший старосту за его оборотистость и хитрости. Тот ссужал земляков деньгами и мукой за безбожные проценты.

— Нам не расчет каждый день крюк давать, домой и к ужину не поспеем, не то что к обеду! — подхватил младший брат Потап.

— Да выслушайте-от сперва, прежде чем ерепениться!

Скотников знал, что Демьян его прилюдно называет «жидомором» и «кровососом», однако ничего до сих пор против него не предпринял, потому как побаивался. Старший Никитин слыл на деревне колдуном. Пустые языки трепали, будто он может увидеть прошлое и будущее человека, едва лишь на него глянув. Практичный и расчетливый Елифан Скотников не сильно рассказням верил, однако предпочитал не злить Демьяна.

— Через три дня сюда понаедет-от начальство, — сообщил он, — пригонят из управы приставов. Начнут ельник-от мерить да усчитывать...

— А тебе-то чего? Твой он, что ль? — все еще не понимал Демьян.

— А вот чего, — снова прищурил глазки Скотников. — У нас-от ноне всего три дня, не боле. Надыть свезти дрова на двор лесничему Петру Селянину. Его изба как раз стоит-от на отшибе, у Большой дороги.

— Упрятать хошь от начальства? — с презрительной усмешкой бросил старший Никитин.

— Ясно дело, — подхватил Потап. В деревне его считали немного придурковатым, не имевшим своего ума. Лет ему уже было за тридцать, но до сих пор он во всем и всегда слушал и поддерживал старшего брата и жил его мозгами. — А после продаст, а барышом поделится с лесничим!

Обрадовавшись собственной догадке, Потап даже хлопнул в ладоши.

— Небось не впервой у барина воровать? — все больше злился Демьян.

— Да уж, как липку, бедненького обобрал-от! — рассмеялся староста. — В одних подштанниках по миру пустил гуляти!

Братья не понимали шуток и потому недоуменно переглядывались, внимая «злодею». Отсмеявшись в полном одиночестве, Елифан Скотников строго посмотрел на Демьяна и, погрозив ему пальцем, сказал:

АВАНТЮРИСТКА. ОТВЕРЖЕННАЯ НЕВЕСТА

— Ты мне это брось! Барин наш сам себя обворовал-от картежной игрой и прочими-от соблазнами. Ему ноне от тюрьмы никак не отвертеться. А нам-от, неповинным холопам его, придется зиму без дров куковать.

Староста сделал паузу, чтобы посмотреть на реакцию братьев. Демьян сохранил лицо неподвижным, а Потап напротив: раскрыл от удивления рот, выпучил глаза и ударил себя кулаком по лбу.

— У нас всего ничего, три дня... Лесом бы надо запастись. Для мира постараться, для деревни...

Епифан произнес все это тихо, не выказывая особого торжества над простодушными братьями. Кому, как не ему, знать, чем грозит крестьянским семьям вырубка старого ельника, богатого грибами да ягодами, тетеревами да зайцами. Всего этого они должны в одночасье лишиться. А в ореховую рошу их не шибко-то пускают. Соседский помещик весьма строг на этот счет. Завел такого вурдалака-егеря, что тот даже детей не щадит, палит из ружья без предупреждения.

— С Богом, — сказал староста на прощание присмирившим Демьяну и Потапу и даже перекрестил обоих.

Братья работали не покладая рук от рассвета и до заката. Время от времени к ним приходил на помощь кто-нибудь из сельчан, оторвав драгоценные минуты от посевной страды. Дел у мужика весной невпроворот, и эта помощь дорогого стоила.

Стоял необычно жаркий для северных губерний месяц май тысяча восемьсот тридцатого года. Вместе с жарой распространялись и слухи. Поговаривали о восстании в Польше, о будто бы неизбежной войне с Персией, о неизвестной болезни холере морбус, объявившейся на юге страны. И, как всегда, шептались об отмене крепостного права. Слухи о воле начали ходить сразу после изгнания французов. Ждали от царя, прозванного Благословенным, высокой милости, а дождались скупых слов в манифесте: «Крестьяне, верный наш народ, да получают мзду от Бога...» «От Бога, значит! — горько вздыхали мужики, расходясь из церкви после чтения ма-

нифеста. — Не заслужили, стало быть... Зря понадеялись...» Теперь приходилось уповать на нового государя. Слыхали мужики от верных людей, будто бы батюшка царь Николай Павлович как раз такие намерения имеет и что «отпустит» крестьян в тот самый день, когда женит наследника престола. Великому князю Александру шел уже двенадцатый годок, а значит, ждать оставалось недолго. «Ничего, двести лет терпели, еще малость потерпим», — говорили мужики и, крестясь, снова брались за работу.

Два дня стояла прекрасная погода, а на третий испортилась. К ночи началась гроза, перешедшая в нешуточную бурю. Ветер был такой силы, что вырывал деревья с корнями. К утру буря стихла, но до полудня поливал дождь. На этот раз никто не пришел братьям на помощь, однако и деревья не приходилось валить, вполне хватало бурелома. Два коня-тяжеловоза, вязнувшие в грязи по брюхо, сегодня вели себя беспокойно, часто прядали ушами, фырчали и издавали тревожные, жалобные стоны.

— Слышь, Демьян, — обратился Потап к брату, когда они нагрузили обе телеги сырыми, тяжелыми дровами, — чего это с лошадьми?

— Кажись, мертвяка чувят, — спокойно ответил тот.

— Какого мертвяка? — перекрестился Потап. — Откель ему тут взяться?

— А увидишь, — загадочно произнес Демьян.

Когда они вернулись от лесничего с порожними телегами на старое место, кони, прежде всегда послушные, начали артачиться и вставать на дыбы.

— Да чего это с ними, с чертями окаянными! — не выдержав, закричал Потап и принялся осыпать взмокших животных ругательствами.

— Погоди чертыхаться, братуха! Брось коней, не трожь!

Демьян внимательно осмотрел все вокруг. Дождь уже кончился. Выглянуло солнце. От земли медленно поднимался благоухающий травами пар, словно невидимый великан раскуривал свою огромную трубку. Старший Никитин сделал

АВАНТЮРИСТКА. ОТВЕРЖЕННАЯ НЕВЕСТА

несколько осторожных шагов вперед, остановился перед поваленным деревом. Дальше тянулось болото, сплошной бурелом: громадные ели, выкорчеванные ночным ураганом, лежали вперемежку одна на другой. Окинув их острым взглядом, Демьян вдруг замер на месте, уставившись в одну точку. Потап, подошедший сзади, шепотом спросил:

— Чего там?

С кривых корней старой разлапистой ели свисал большой полусгнивший тряпичный сверток. Подобравшись ближе, братья разглядели торчащие из-под тряпки череп скелета и окостеневшую кисть руки.

— Вот те и мертвяк, — констатировал Демьян.

— Откель он тут? — прошептал потрясенный увиденным Потап.

— Откель-откель, — передразнил его брат. — Нас это не касается. Гони-ка ты уже в деревню за старостой, — строго приказал он, — а я покамест топором помашу. Денек не ждет...

Демьян чуждался покойников и брезговал ими. Он больше ни на шаг не приблизился к скелету и, как только Потап скрылся за деревьями, отошел подальше от того места и принялся рубить деревья с особым рвением. Но в какой-то миг остановился, разогнул спину, замер на месте. Топор выпал у него из рук. Он смотрел в сторону болотца, взгляд сделался туманным, потусторонним. Его вдруг затрясло, залихорадило, и весь он облился потом...

Епифан Скотников хоть и был мужиком «дохлехоньким», но оказался храбрее братьев. Подошел к находке вплотную и стал досконально ее рассматривать, то и дело причитая:

— Ну, не ко времени-от! Чуток бы еще в земле полежал, отдохнул бы-от. Так нет же, выпрыгнул, как черт из табакерки!

— Ты баешь так, будто с малых лет с ним водился! — крикнул с другого конца поляны Демьян, продолжая работать.

— Не-а, я с барами не вожусь, — ответил староста.

— Откель ты взял, что он из бар? — вмешался Потап, ловко орудуя топором.

АННА МАЛЫШЕВА

— На туфель-от глянь!

— На какой такой туфель? — не понял тот.

Примерно в трех саженьях от скелета на болотной кочке действительно лежала черная туфля, по-видимому, слетевшая с усохшей ноги во время бури.

— У нас с тобой-от лапти, а у бар туфель, — доходчиво разъяснил Скотников.

Он взял туфлю и покрутил ее в руках.

— Подкова-от железная...

Староста поскреб пальцем каблук, очистив его от грязи, и продолжал:

— На ей закорючки каки-то... Буквы, что ль? Не наши вроде... И цифири...

— Как мыслишь, давно он тут «отдыхает»? — спросил Демьян.

— Давненько...

— А на костях еще кой-где мясо видать, — брезгливо поморщился старший Никитин.

— Цифирь тут, Демьян, на подкове-от, — не своим голосом заговорил Скотников, — тысяча осемьсот двенадцать...

— Двенадцатый год?! — разом воскликнули братья, раскрыв от удивления рты.

— Тут копытом сам леший-от вдарил, не иначе! Чтоб его, паскудника, подбросило да об землю треснуло! — запричитал староста и заметался по поляне, размахивая руками. — Не ко времени нам этот барин-от! Лес не успеем заготовить, как понаедут приставы. Еще того хуже, начнут деревенских-от в управу таскать, душу выматывать!

— Погоди, Елифан! — перебил его старший брат. — Неча зря языком молоть! Ты когда в управу собирался?

— Завтра о полудни...

— Вот и езжай. Ему, — он кивнул в сторону болотца, — все едино, хоть и завтра. Он тут сколько пролежал?

— Скажешь там, мол, после бури покойник из болота вышел, — вставил Потап и тут же добавил, разведя руками: — А кто таков, не знамо...

АВАНТЮРИСТКА. ОТВЕРЖЕННАЯ НЕВЕСТА

— И насчет деревенских ты опять же зря, — продолжал успокаивать старосту Демьян. — До деревни отсюда два версты, а то и поболее будет, а Большая дорога — вона, рядом! — Он указал в сторону тракта и заключил: — Дураку понятно, что его с дороги снесли сюда и кинули в трясину...

— А ведь и верно, — припомнил Скотников, — прежде тут трясина была, а ноне обмельчало...

Доводы Демьяна его немного успокоили. Он присел на поваленное дерево и задумался. Братья ни на секунду не оставались: очищали стволы деревьев от веток, разрубали на несколько частей, взваливали на телеги. Епифан почесал в затылке, достал из-за пазухи мешочек с махоркой, открыл его и протянул братьям со словами:

— Угощайтесь махорочкой-от, работа пойдет повесельче...

Если бы старшему Никитину три дня назад кто-нибудь сказал, что «жидомор» будет делиться с ним махоркой, он рассмеялся бы тому человеку в лицо. А если бы тот еще добавил, что Демьян одолжится табаком у кровососа и скажет ему «благодарствуйте», то разговор бы и вовсе закончился руганью.

Братья еще долго оглашали ельник звонким чиханием, а староста ходил по крестьянским избам, сбивал мужиков в помошь Никитиным. Он решил ехать в управу с самого утра, предчувствуя для деревни огромные беды из-за найденного в лесу покойника.

Приехавшие на другой день полицмейстер и частный пристав тоже были весьма озадачены, после того как братья Никитины с трудом сняли скелет с корней старой ели, проросших сквозь него тут и там. Из полусгнившего плаща выпал кожаный футляр, ставший бурым от болотной тины, а также три небольших цилиндра, разных в диаметре.

— Вот те на! — воскликнул полицмейстер Тихомиров, долговязый, с белесыми усами и сморщенным наподобие моче-

ного яблока лицом. — Футлярчик-то из воловьей кожи, непотопляемый.

— И труба в придачу, — добавил пристав Костюков, неловко скручивая цилиндры в подзорную трубу. Его звероватое, опухшее после многодневной попойки серое лицо, заросшее грязной щетиной, казалось сонным, бесцветные навывкате глаза, посаженные необыкновенно близко по бокам кривого носа, обильно слезились с похмелья.

— Это что ж получается? Господин морской офицер изволили-с утонуть в нашем болоте? — прыснул долговязый.

— Выходит, так, — вяло усмехнулся кривоносый и слегка трясушимися руками расстегнул футляр.

Окружившие полицмейстера и пристава крестьяне с нескрываемым любопытством придвинулись поближе, в надежде увидеть что-то из ряда вон выходящее.

— Куды прете! — заорал на них Тихомиров, схватившись за эфес сабли.

Мужики отступили, но взгляды их прямо-таки впились в футляр. Каково же было их разочарование, когда запойный пристав извлек оттуда слежавшуюся бумажонку. По поляне волной прокатились вздохи. Кое-кто махнул рукой и пошел восвояси. Однако жандармы воодушевились.

— Казенная вроде, — пробормотал Костюков.

— Ну-ка, дай! — выхватил у него бумагу полицмейстер и первым делом стал рассматривать подпись и печать.

— Что там? — не терпелось знать запойному приставу, и он попытался заглянуть начальнику через плечо, при этом приподнявшись на цыпочки, так как росточка был совсем невысокого.

— Боже праведный! — воскликнул вдруг тот. — Да ведь здесь подпись и печать покойного государя императора!

— Что же получается? — опешил пристав. — У нас тут в болоте лежит государственное лицо?! Царев человек?!

Мужики настороженно притихли. Слишком долго ждали милости от Благословенного, а не дождавшись, не решились впрямую его обвинить в несправедливости. По губерниям хо-

АВАНТЮРИСТКА. ОТВЕРЖЕННАЯ НЕВЕСТА

дили смутные толки, что воля все же была дана, но ее утаили чиновники и помещики. И вот, покойный царь посылал им с того света весточку — за своей подписью, за печатью... Может, не напрасно случилась вчера ночью буря? Может, пришла свобода от постылого ярма и принес ее «царев человек»?

Староста, никаких иллюзий не питавший, услышав про царскую печать, схватился за голову, будто прикрывая макушку от топора.

— Эй, Епифан! — подозвал его к себе Тихомиров. — Веди соорудить гроб и перевезти покойника в управу. А ты, Костюков, — обратился он к приставу, — собирайся-ка в Петербург, с докладом в Третье отделение. Дело-то не шуточное.

Частного пристава Костюкова в Третьем отделении Собственной Его Императорского Величества канцелярии никто из высших чинов принять не пожелал. Ему пришлось общаться с низшими чинами, которые ничего решить не могли. Однако кожаный футляр с бумагами «государственного лица» был у него изъят.

— Теперь месяца три канитель эта будет тянуться, а то и более! — возмущался полицмейстер Тихомиров. — А что нам делать с мощами прикажете? — обращался он неведомо к кому. — Уже вся управа провоняла гнилью!

Покойник и в самом деле пованивал, но хуже того — в управу начали стекаться любопытные крестьяне из окрестных сел поглядеть на «царева человека», о котором ходили уже самые невероятные слухи. То обстоятельство, что на костях скелета кое-где сохранилось мясо, растревожило людскую фантазию. Иные уверяли, будто покойник, пролежав много лет без гроба в сырой земле, сохранился целиком, без всякой порчи. К этой басне немедленно прибавили, что мертвец источает благоуханный аромат. Посыпались настойчивые вопросы попу местного прихода «Не святой ли это угодник или мученик, принявший праведную смерть, лежал столько времени в нашем ельнике?» Приставы целыми днями гоняли му-